

ШАНДРА
Андрей Валентинович

Шандра А.В., выпускник исторического факультета УрГУ (1992), ст. преподаватель Уральского юридического института МВД РФ.

ШТРИХИ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ Г.В. де-ГЕННИНА

В современных исторических исследованиях прослеживается отход от объективистских трактовок законов общества. Активно предпринимаются попытки дополнительного изучения и оценки роли многих видных деятелей исторического прошлого, внесших существенный вклад в дело экономического развития России. Одной из таких личностей, чья многогранная деятельность явно нуждается в более углубленном анализе и осмыслении, является Георг Вильгельм де-Геннин, именовавшийся в России Вилимом Ивановичем.

Целостный исторический портрет этого выдающегося знатока горного и металлургического дела, основателя более десятка российских казенных горнопромышленных предприятий, человека, стоявшего у истоков зарождения города Екатеринбурга, в отечественной историографии пока не воссоздан. Отдельные характеристики В.И. Геннина как квалифицированного специалиста: талантливого администратора и организатора произ-

водства, искусного инженера — фрагментарно присутствуют в исторической литературе. На те его качества, которые выходят за рамки сугубо профессионально-деловых, специально внимания до сих пор не обращалось.

Сегодня очевидно, что исторический деятель не только оптимальным образом воплощает интересы, «социальные заказы» определенных слоев общества, но и оказывает влияние на ход истории как неповторимая человеческая индивидуальность. Это придает особую значимость всем его индивидуально-личностным качествам и особенностям, включая мировоззренческие позиции, черты характера, религиозные установки. Именно эти штрихи исторического портрета В.И. Геннина и попытаемся обрисовать.

В.И. Геннин был призван на российскую службу из Голландии во время пребывания там «великого посольства из Московии». Вероятно на этом основании Геннин в большинстве исторических произведений называется голландцем. В действительности он имел

Georg Wilhelm de Gennin

Георг Вильгельм де-Геннин

немецкие этнические корни и являлся саксонцем по происхождению. В собственноручно написанном Генниным в 1697 году прошении о приеме на службу в Россию говорится: «Его превосходительствам высокошляхетным Господам послам чрезвычайным великого Московского посольства в здешней земле. Объявляет во всей покорности Юрья Вилим Де-геннин, родом из Ганова...» [1]

В этом документе Геннин сам «объявляет», что родился в Нижней Саксонии — старинной области проживания саксов по нижнему течению Эльбы и Вердера. В XVI — XVII веках за этим регионом стало закрепляться название Ганновер, в отличие от Саксонии Верхней, которая стала именоваться просто Саксонией. Однако в окончательном виде новое название области и ее одноименной столицы установилось не сразу. В своих письмах и масштабном теоретическом труде, получившем при публика-

ции заглавие «Описание уральских и сибирских заводов», Геннин именует данную область Гановерия (с одним «н»), а столицу в процитированном прошении — Ганов.

Саксонские корни Геннина подтверждаются и другими документами. В частности, в рапорте в Кабинет Петра I, отправленном с Урала в 1723 году, Геннин сообщает: «... плавил здесь на Уктусском заводе (медь — прим. автора), по нашему саксонскому манеру...» [2]

Мы затронули проблему национального происхождения Геннина с целью обнаружения истоков наличия у него таких ярко выраженных черт, как прагматизм, пунктуальность, расчетливость, бережливость, которые будут проиллюстрированы ниже. Известно, что подобные характерные черты исторически присущи представителям именно немецкого этноса.

Отсутствие источников не позволяет нам точно определить, в каком возрасте Геннин переехал из Нижней Саксонии в Голландию. С высокой долей вероятности можно предположить, что до приезда в Россию Геннин провел в Голландии достаточно длительное время, ибо свободно владел голландским языком, имел там солидных рекомендателей.

Объективные реалии Голландии, образцово капиталистической страны, в которой уже в начале XVII века были полностью ликвидированы феодальные отношения, несомненно, нашли отражение в менталитете Геннина.

Этой ментальности суждено было претерпеть существенные изменения после того, как Геннин, приехав в Россию, окунулся в принципиально иную атмосферу: крепостнические отношения переживали здесь стадию своего расцвета и пронизывали все сферы общественной жизни.

Отметим, что Геннин прибыл служить в «Московию» достаточно молодым человеком, двадцати одного года от роду. Он был в том возрасте, когда уже сформировались мировоззренческие установки, но в тоже время этот возраст располагал к их пересмотру и корректировке. И под воздействием российской действительности такая корректировка в сознании Геннина явно осуществилась. Не будем прослеживать всю эволюцию мировоззренческих взглядов Геннина, а представим ее результаты.

Известно, что Геннин имел дворянское происхождение. Однако, судя по строкам его писем генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину, семья Геннина не отличалась особой знатностью и материальным преуспеванием. Обращаясь к своему начальнику с просьбой об отпуске для свидания с отцом, Геннин пишет: «И поехал я от него скуден, а ныне по милости Царского Величества и Вашего Сиятельства я научен и выведен человеком знатым» [3]. В другом послании Ф.М. Апраксину Геннин вновь подчеркивает, что именно в России он обрел солидное общественное положение: «Я тебе век должен, ты меня из Шлюссельбурга выручил, потом сделал человеком...» [4]. В конце прошения о приеме в российскую службу Геннин четко сформулировал основной мотив своего намерения «к Москве ехать»: «...прошу покорно, дабы за пристойное жалованье меня изволили приказать принять» [5].

Если в Голландии дворянство после буржуазной революции утратило свои политические и экономические позиции, то в нашем Отечестве в XVIII веке оно еще безраздельно господствовало во всех сферах общественной жизни. И Геннин, влившись в ряды класса — сословия, давшего ему в России привилегированное со-

циальное положение и материальное благополучие, на удивление полно воспринял и впитал его идеологические постулаты и установки.

В письмах и личных записях Геннина встречаются критические замечания в отношении отдельных сторон российской действительности. Например, обеспокоенность масштабами злоупотреблений, допускаемых представителями местной воеводской администрации. Но нигде не содержится мысли о принципиальном несогласии с процветающим в России крепостным правом и неодобрении его как общественного института.

Геннин полностью принял практиковавшуюся в петровскую эпоху крепостническую систему организации промышленности. Хотя заметим, что он не был противником параллельного использования и вольнонаемного труда.

Любое проявление социального протеста со стороны рядовых труженников Геннин считал недопустимым и стремился в корне его пресекать.

Геннин принял существовавшую в России практику отношений не только по вертикали — вниз от себя, но и вверх. Показательной в этой связи является следующая деталь. Свои послания Петру I Геннин, как правило, заканчивает словами: «Вашего Величества нижайший раб». Подобное свидетельствование подданических отношений, отражавшее реальное положение российского дворянства по отношению к государю, начало культивироваться еще со времен Ивана III («я езм холоп твой») и к XVIII веку стало своеобразным штампом. Для русского дворянина, исторически выросшего в системе отношений подданства, подобная формулировка выглядела естественной и была общепринятой. Однако для представителя

западноевропейского дворянства, традиционно воспитанного на базе принципиально иной системы отношений — вассалитета, выражение уважения и преданности своему сюзеру посредством признания, пусть даже чисто декларативного, рабской зависимости неприемлемо категорически.

Анализ писем свидетельствует, что Геннин начинает «примерять» на себя этот термин не сразу после приезда в Россию, а после пребывания в ней около десяти лет. Вероятно, постепенно он все более осознавал себя частью именно российского дворянского сословия. Примечательно, что влияние Геннина, саксонца по происхождению, существенно снизилось в период правления Анны Иоановны, когда в России в общегосударственном масштабе наблюдалось немецкое засилье. Можно предположить, что представители нахлынувшей новой немецкой волны считали Геннина уже обрусевшим.

Геннин охотно воспринял и активно проводил в жизнь идеологию российского абсолютизма. Как известно, российская монархия в стадии абсолютизма пыталась создать иллюзию своей надклассовости, сопровождая формулировкой «общий интерес и благо всеобщее» учреждение даже таких институтов, призванных служить исключительно укреплению власти дворянства, как институт фискалов. Геннин в духе этой традиции также не упускал случая подчеркнуть, что он неустанно радеет о государственных, общенародных, а не узкосословных и тем более личных интересах. Вот как Вилим Иванович в письмах к Ф.М. Апраксину мотивирует необходимость приписки к заводам новых деревень: «Я прошу милосердной мой Батюшко, для Бога и для народа, вели

мне весь уезд вручить...» [6] или «прошу... не меня ради, но для лучшего Его Царского Величества интереса и Вашего Сиятельства и для народа, прикажите прибавить сюда в работу ближний уезд Каргапольской или Белозерской» [7].

В действительности Геннин свято оберегал незыблемость устоев системы, позволившей ему из фейерверкеров (первое унтер-офицерское звание, полученное им в России) стать «Благородным Господином Генерал-Мойором» (так обращалась к Вилиму Ивановичу в письмах императрица Екатерина). Охранительное дворянское мировоззрение Геннина можно проиллюстрировать фрагментом его указа, изданного в качестве начальника Сибирского обербергамта. Получив от секретаря Ловзина донос о том, что фурмовый мастер Дейхман сказал бергместерскому переводчику Грачеву нечто, что «в городех... кроме главных одних командиров ведать не велено», Геннин «яко главный здесь командир» немедленно «приговором определил»: «А чтоб впредь кто о чем какво сумнительное и важное донести имеет дабы они нигде и никому о том не объявляя и не разглашая доносили генералу маэору в самой скорости... А другим подчиненным правителям о том от них доносителей не токмо выпрашивать обстоятельно но и мало о том не спрашивать под жестоким истязанием дабы того не разгласить но сколько возможно искоренить оное зло образом тайным» [8].

Показателен и такой эпизод. Попавший на Урал служилый человек серб Дмитрий Милутинович на многлюдном обеде у Геннина обронил: никогда в России законов не было, а сплошное тиранство. Геннин в ответ лично выбил из-под него ногой стул [9].

Что определенно не претерпело изменений в мировоззрении Геннина, так это его религиозные взгляды. До конца жизни он стойко придерживался лютеранского вероисповедания и в последние годы своего пребывания на Урале даже содержал на собственные доходы лютеранского пастора.

Свое служебное кредо В. И. Геннин четко сформулировал в одном из писем к графу Ф.М. Апраксину: «Прощу у Вашей Государь милости, ежели еще Бог мне велит жить, возможность мне от заводских работ честь и повышение чина себе нажить? Я по милости твоей отеческой здесь сыт; однакож всякой человек ищет себе чести и повышения чина; за что мы на свете служим» [10]. И Вилим Иванович настойчиво шел к достижению поставленной цели. Однако в отличие от многих других российских государственных администраторов XVIII века, не гнушавшихся любыми средствами в продвижении по служебной лестнице, Геннин достаточно честно заслуживал свои чины, оправдывая их присвоение исключительной исполнительностью и подкрепляя множеством полезных практических начинаний.

Анализ деятельности Геннина позволяет выявить такую явно присущую ему черту, как прагматизм. В своих поступках и решениях Геннин последовательно руководствовался принципом утилитаризма, состоящим в оценке различных явлений с точки зрения их практической полезности, возможности служить средством для достижения поставленной цели. Например, вскоре после приезда на Урал для привлечения к обслуживанию казенных заводов местных «навычных» к горному делу мужиков он запретил им промышлять кустарным изготовлением и продажей железа. «А мужикам в малых печах крицы делать запрещу...

и чтоб впредь могли кормиться, велел им вместо кричной работы железную руду копать и нам к заводам продавать по указанной цене», — сообщал он Петру I в ноябре 1722 года [11]. Однако Геннин не был принципиальным противником мелкого частного предпринимательства, напротив, способствовал его развитию даже в среде постоянных заводских кадров, но при обязательном условии, что от этого будет выгода «государеву интересу». В частности, в одном из указов он охотно разрешает катному мастеру Уктусского завода Василию Казанцову «строение мельницы... на свои кошты, лес рубить сколько ему и какого понадобица во близости где ему способнее понеже от оной мельницы будет способ немалой... когда при заводе бывает умаление воды тогда понадобица молоть и казенной провиант в чем в деле близости в подвозе прибыль будет» [12].

Расчетливость и экономность — качества, которые Геннин демонстрировал с неизменным постоянством, порой даже в мелочах.

Приехав на Урал, он столкнулся с практиковавшимся на местных заводах крайне вольным обращением заводских служителей с казенными припасами и денежными средствами. Подобной практике генерал-майор настойчиво стремился положить конец. Проиллюстрируем это фрагментами его указов: «... а неже впредь... ничего и никому к себе в дом не брать будто за деньги, но покупать оные припасы от целовальников... и в приход записывать...» [13] «Усмотрел я что здешний мельник имеет при себе ящик в который кладуца деньги которые он собирает за молотые хлеба, отчего может в интересе е.и.в. быть ущербу ибо может быть что иным и безденежно мелет...

того ради велеть оной ящик содержать где пристойнее при надзирательской конторе и записывать что будут оные деньги в приход...» [14] «Усмотрел я что отдается из анбара молотовым мастерам жестяных и крышечных досок обрески и понеже оное есть вредительно заводскому интересу того ради для лутчей прибыли велеть из обресков вырезывать полоски которые употреблять в продажу на оковку ларцов...» [15] «Объявить всем вощикам которые с заводов железо возят... чтоб они в проезде имеющих по дороге сен казенных не брали, а ежели еще сено воровать будут то за него доправлено ж будет с них со всех вдвое против настоящего...» [16]

Геннин стремился привнести в дела, которыми занимался, точность и пунктуальность. Он активно внедрял на уральских заводах систему строгого учета материальных средств и людских ресурсов. С этой целью настойчиво требовал от своих подчиненных периодического представления развернутых отчетных ведомостей. Так, в указе шихтмейстеру Титову Геннин предписывает: «... ныне вновь учинить о всех казенных заводах о каждом порознь обстоятельные ведомости... с описанием наличной денежной казны и припасов и каждой фабрики с мерою при них инструментов, управителей и приказных служителей, и мастеровых людей каждого поимянно» [17].

Именно Геннин на основе постановки возможно точного учета затрат, объема выпускаемой продукции, нормирования всех сторон производства первым ввел на российских горных заводах практику калькуляции. Интересно, что ее схема, лично разработанная Генниным, в основных чертах соответствует современным принципам калькулирования.

Являясь человеком прагматичным и расчетливым, Геннин в то же время не был лишен принципиальности и понятия чести. В этом отношении показательна позиция, продемонстрированная им во время расследования жалобы, поданной Н.Демидовым на В.Татищева. Проведение следствия было поручено Геннину лично царем.

Геннин осознавал, что Демидовы находятся в фаворе у самого Петра, а также у графа Ф. М. Апраксина, расположением к себе которого Вилим Иванович очень дорожил. Геннин прекрасно понимал, что решение конфликта не в пользу Демидовых вызовет у Ф.М. Апраксина неудовольствие и раздражение и, вероятно, скажется на отношении к нему графа. Этими опасениями Геннин делился с кабинет-секретарем Петра I А.В. Макаровым, высказывая предположение, что если Апраксин узнает о нежелательном вердикте, то решит: «Бедного Демидова ты обвинил, а Татищева взятки утаил. И в то время государь велит меня судить и расстрелять по достоинству» [18].

Однако при всем этом Геннин провел расследование принципиально и достаточно объективно. Сначала он отказал Демидову в просьбе «замять» дело и способствовать его примирению с Татищевым. А затем, тщательно уяснив обстоятельства разбираемой ссоры, вынес приговор, оправдывающий Татищева.

Апраксин, которого Вилим Иванович называл «вторым отцом», естественно, остался недоволен подобным результатом следствия и на два года прекратил с Генниным переписку, чем очень его опечалил.

Отметим, что Геннин не испытывал особых симпатий к Татищеву как человеку, но не позволял себе допус-

кать предвзятого отношения к нему как специалисту. Геннин неоднократно направлял в Кабинет Петра I просьбы о разрешении Татищеву заниматься заводскими делами до вынесения вердикта по жалобе Демидова. При этом он подчеркивал: «...я оного Татищева представляю без пристрастия, не из любви или какой интриги или б чьей ради прозбы. Я и сам ево рожи калмыцкой не люблю, но видя ево в деле права и к строению заводов смышлена, разсудительна и прилежна» [19].

Следуя принципу неуклонного соблюдения «государеву интересу», не побоялся Геннин и возможных последствий обострения отношений с такими влиятельными на Урале людьми, как бароны Строгановы.

Получив доношение от «рудного приишика» Михея Петрова о том, что приказчик Строгановых Демид Колупаев в нарушение Берг-привилегии «за прииск руд (в строгановских латифундиях — прим. автора) его рудосыщика бил дубьем и плетью и угрожал смертным убийством», Геннин произвел «розыск дела». Зная, что бароны Строгановы приятели Петру I и непременно пожалуются императору, Вилим Иванович тем не менее очень сурово «онаго Колупаева штрафовал»: «бив кнутом на площади и отрезав ноздри, послал в вечную каторжную работу... дабы на него смотря и другие так не дерзали... и в горных делах помешательства и остановки не было» [20]. Сообщая об этом факте Петру I, Геннин писал, что «я так жестко поступил и для Тебя и для всею Государства и впредь с такими бездельниками... буду... поступать как Ваши Указы повелевают» [21]. Заметим, что впоследствии у Геннина установились достаточно приятные отношения с Демидовыми и Строгановыми.

Д.Н. Мамин-Сибиряк в историческом очерке «Город Екатеринбург» дал следующую характеристику Геннину: «Этот генерал был редким птенцом орлиного петровского гнезда — деятельный, преданный и в высшей степени честный» [22]. Действительно, последнее качество выгодно отличало Геннина от большинства представителей местной правительственной администрации. Воровство и взяточничество в управленческой среде получили в петровское время очень широкое распространение. Честного управителя на Урале, по словам Геннина, «надобно было в день с фонарем искать».

Сам Вилим Иванович в доношениях с Урала Петру I неоднократно подчеркивал: «...я не желаю мирским потом кормиться или корысти от твоего строения искать» [23]. Или: «...наживать приносами не хочу... они (чиновники в Берг-коллегии — прим. автора) думают, что здесь без жалованья по воеводски жить можно, токмо я того делать не умею» [24].

Конечно, делать выводы о честности Геннина, основываясь на его собственных реляциях, было бы не совсем обоснованно. Однако позиция, представленная им в процитированных документах, подкреплялась практически. Перед самым приездом Геннина на Урал кунгурская администрация по традиции начала производить незаконный сбор денег с населения в подарок приезжающему начальнику заводов. По этому поводу Геннин издал указ от 16 октября 1722 года, в котором говорилось: «ежели... кто учнет неуказные излишние сборы... раскладывать и собирать, будто бы мне, генерал-маэору... в поднос, называя в почесть, и по таким запросам ничего не давать... понеже те собранные с миру деньги и протчее не токмо мне не потребны,

но и другим при мне обретающимся под великим страхом брать запрещено» [25].

Не будем идеализировать генерал-майора и представлять его в виде некоего бесребренника. Но все же источники свидетельствуют о его чистоплотности даже в, казалось бы, несущественных вещах. Например, в ряде посланий Петру I Вилим Иванович просит письменного подтверждения разрешения брать из местных запасов фураж для своих лошадей, хотя в устной форме такое разрешение император ему уже дал при отправке на Урал.

Стараясь не позволять себе «воеводских вольностей», Геннин настойчиво боролся с «плутовствами» и в среде своих подчиненных. Например, в отправленном в 1723 году в Кабинет Петра I рапорте Геннин докладывал: «Понеже на здешних земских и подчиненных комисаров и судей, которые определены на заводы от крестьян многое челобитье в лихоимстве и нападках является... из оных иные уже с пристрастием в застенке распрашиваны, винулись, и взятое с народа, с них мужикам паки возвращено... А ежели здес над ними экземпля не учинить, то они не имея страха и впред оного чинить не перестанут» [26]. Или в инструкции Геннина кондуктору Игнатию Юдину говорится: «...а учнешь приход и расход денежной казны и материалов иметь неизсправно или подрежать с передачею, исполняя свои прихоти, или с кого взятки имать и в том будеш обличен и за то имеешь быть штрафован, чего по указу будет достойно» [27].

Геннин стремился искоренить злоупотребления не только в начальствующих заводских кругах, но и среди низших слоев обслуживающего завода персонала: «...на заводах где бывает денежная дача чтоб ни у кого про-

пажи отнедь не было понеже сколько есть известно оные плутовство знатно что чинится от подьячих и от счетчиков, а больше они обидят тех мастеровых людей и крестьян которые не умеют считать деньги и счету в них не знают...» [28]

Стоит остановиться еще на таких особенностях характера Геннина, в определенной мере объясняющих его рвение и настойчивость, с которыми он добивался выполнения поставленных задач, как самолюбие и некоторое тщеславие. По мнению автора, наличие этих черт не только не мешало генерал-майору в его деятельности, но, напротив, способствовало ее успеху. Ибо удовлетворял он их не закулисными интригами, а достижением весомых практических результатов.

Как уже отмечалось, Вилим Иванович был во многом типичным представителем своего класса-сословия, своей эпохи. А эпоха эта имела свои традиции и особенности. Одной из таких характерных черт петровского времени являлась бытующая в дворянской среде манера максимально рекламировать, преувеличивать и преукрашивать свои достоинства и заслуги, а затем без лишней скромности просить, а порой и требовать у своих начальников всяческих за это поощрений. Причем данное занятие считалось вполне естественным и незазорным. Следовал подобной традиции и Геннин. С гордостью сообщая своим московским, а затем петербургским покровителям о достигнутых успехах, генерал-майор не забывал при этом добавлять: «Пожалуй милостивый мой государь не положи в забвение моего трудишку» [29]. Любил Вилим Иванович, когда заслуги его отмечались не только морально, но и материально, о чем без обиняков писал тому же Ф.М. Апраксину: «Хотя иной мне скажет:

«Трудливец Геннин», а что та хвальба без денег? французския песни при голоде» [30].

Однако устной похвалой Петра I Геннин дорожил не меньше подарков, и она являлась для него очень существенным стимулом: «Октября в день получил я дубликаты с писем Его и Ея Императорских величеств... Истинно сердце радуется при трудах и работах, такую видя милость, а наипаче мне; и похожу на французов, хотя денег нет в мошне, а указа об жаловании моем и фураже, что мне здесь взять не получил, а веселюсь и песни пою с милостливыми грамотками» [31]. Вилим Иванович всеми силами старался поддерживать высокое мнение о себе русского самодержца. Он понимал, что достигать этого нужно не лестью, а результатами практической деятельности, четким выполнением петровских наказов: «А я ныне вижу: кто льстит и лисовым хвостом может угодить, тот богат и в покое живет, хотя государь его не любит и его не знает и с ним мало говорит...» [32]

Анализ писем Геннина императору свидетельствует, что, настойчиво ища поддержки Петра I, стараясь угождать государю, он не ронял при этом собственного достоинства. Подобная позиция Геннина объясняется тем, что он четко осознавал свое место и свою значимость в деле петровских преобразований: «...я знаю, что в оных нужнейших Государевых делах... и в практике в строении, и чтоб так узнать Государево намерение и Ему мог бы в том угодить, как я; или чтоб таким истинным сердцем радел, я чаю долго сыскивать, и много времени в том пройдет, покамест такой человек сыщется, а и выискавшись привыкнет, и службу свою действительно покажет нескоро» [33]. Или: «А когда он, Татищев, у меня выучица во всем

строении, то он впред может при таких строениях у дел быть... а я один и везде надобен» [34].

Важно отметить, что в отличие от многих российских правительственных деятелей, красноречиво описывавших свои мнимые заслуги, В.И. Геннин представлял все же реальные достижения. Показательной в этом отношении является следующая деталь: если большинство представителей местной администрации, охотно рекламируя свои успехи на словах, при этом менее всего желали прибытия к ним ревизора из центра, могущего увидеть действительное положение вещей, то В.И. Геннин, напротив, сам стремился привлечь в Екатеринбург столичных деятелей, способных правдиво поведать императору о результатах его работы, которыми генерал-майор, по-видимому, очень гордился. Например, в январе 1724 года Геннин, узнав, что отправленный в 1722 году от Петра I посланник к Зюнгорскому контайше капитан артиллерии Унковский возвращается обратно, послал ему через капрала Клеопина письмо с приглашением. А затем писал кабинет-секретарю Макарову: «...прошу Вашей милости будь к нему милостлив извольте его представить Его Императорскому Величеству, чтоб он мог о моих делах подлинно словесно донести, что он видел у нас: то сам Государь будет порадоваться...» [35]

В отечественной историографии советского периода, когда всецело доминировал классовый подход, Геннину в качестве отличительной черты приписывалась крайняя жестокость по отношению к рядовым труженикам.

Действительно, с людьми, сознательно чинившими «помешательства» в деле заводского строительства, Ген-

нин обходился очень сурово. Но подобная жестокость не была каким-то личным «нововведением» Геннина, а применялась в полном соответствии с требованиями Петра I, который повелевал: «...А буде они (работники — прим. автора) чем железные заводы остановят и великого государя казне тою остановкою учинят убыток, и за то тем послушникам учинена будет смертная казнь безо всякой пощады...» [36]. Аналогичное предписание содержится и в последнем семнадцатом пункте петровской Берг-привилегии.

Источники свидетельствуют, что Вилим Иванович не сразу принял подобную практику борьбы с неповиновением подчиненных, а поначалу противился ей, пытаясь решить эту проблему более цивилизованными экономическими методами: «В прошлом году при бытности моей работники, которые бывают при Петровских заводах, многие из заводов бегали, как при прежних командирах... И для лучшей Царскому Величеству прибыли в работе, и чтоб кровопролития больше не чинить, наложил я на них за неты и за побег, штрафу по 2 рубли на месяц..., понеже их кнутом удержать было невозможно; а вешать грех... И тем ныне их удержал» [37]. Эти строки Геннин писал в бытность свою начальником Олонецких заводов. Однако на Урале он окончательно осознал, что в условиях внеэкономического принуждения работников к обслуживанию заводов бороться с их сопротивлением только экономическими методами невозможно. И в исключительных случаях стал прибегать и к смертной казни. Но все же истоки подобной жестокости коренятся не в области какой-то особенной психологии Геннина, а в той позиции, которую он занимал в социально-классовой структуре России, в исторической обусловлен-

ности его мировоззрения, в той крепостнической системе организации промышленности, которая господствовала в нашей державе в первой половине XVIII века.

Репрессивные действия Геннина нашли отражение в исторической литературе. Однако следует обратить внимание, что выступал он и в противоположном качестве. Многочисленные письма генерал-майора центральным властям свидетельствуют, что он неоднократно поднимал вопрос о бедственном положении крестьян. Вилим Иванович писал, что вследствие чрезмерного отвлечения их на заводские работы происходит разорение крестьянских хозяйств: «...ежели изволите нынешним зимним путем отправить в С.Петербург пушки и якоря... на одних Олонецких уездных подводах... то совершенно здешний уезд вдостоль раззорится... а я хочу, чтобы их собрать всех по прежнему, а не разорить» [38]. Борясь с челобитчиками, Геннин тем не менее сам посылал людей, чтобы они объявили о своем бедственном положении. Вот строки его письма: «...послал я к Царскому Величеству и к Вашему сиятельству... из посадских людей челобитчика, и пушай он все тягости объявит, когда по моим доношениям и письмам милости в том получить не мог» [39]. С целью не допустить разорения приписного крестьянства Вилим Иванович старался по возможности освобождать его от работ в страдные месяцы.

Добивался Геннин и того, чтоб подчиненные его исправно получали заработанные деньги. «При выдаче денег как служителям мастеровым людям так и крестьянам отнедь волокиты и обид никаких не чинить» — гласил один из его указов [40]. Или строки из доношения: «...а подчиненным горным и заводским служителям, ежели Ука-

за не получу, велю жалованье дать, а нищенствовать или красть допустить не хочу...» [41]

Конечно, объяснять действия Геннина в защиту своих работников исключительно «отеческой» любовью к ним было бы достаточно наивно. Вилим Иванович и здесь не забывал о прагматических интересах. Ибо понимал, что разорение крестьян и обнищание мастеровых повлечет оставление ими своих мест и, как следствие, сокращение числа рабочих рук и ухудшение обеспечения заводов продовольствием. И все же источники свидетельствуют, что и просто человеческие чувства жалости и сострадания не были чужды Геннину. Подтвердим это таким примером. В бытность Геннина начальником Олонецких заводов крестьяне вновь приписанного Ребольского погоста отказались подчиниться указу о выходе на заводские работы. Чтобы сломить их сопротивление, Геннин послал капитана Уварова с ротой солдат. При возвращении назад в городе Каяне «капитан Уваров взял тамо у крестьян жен и детей малых 9 душ» и прислал их Вилиму Ивановичу «в служебство». «И они просили меня слезно, — писал Геннин Ф.М. Апраксину, — чтобы их отпустить по прежнему, жен к мужьям, а детей малых к отцам и матерям, и я не мог видеть их слез, и по их прошению отпустил в дома по прежнему» [42]. В данном эпизоде сложно усмотреть какую-либо выгоду для Вилима Ивановича.

В заключение отметим, что Геннин видел свою роль в деле развития российской металлургии не только в строительстве новых заводов, основании современных производств, совершенствовании технических приемов, но непременно и в обучении горному мастерству русских людей. Это явствует из его писем и настав-

лений: «...привел я Русской нации в науки, что я ими с помощью Божиею все... заводы... управляю, притом немного иноземцев» [43]. Четко позиция Геннина звучит и в его инструкции капитану Берглину: «Должен он старатца, чтоб русския люди заводскому делу обучились, дабы оных употреблять на иныя места, где вновь заводы построятся, можно было» [44].

Как видно из сказанного выше, Геннину удавалось сочетать прагматизм и расчетливость с принципиальностью и честностью, предельную суровость к подчиненным с покровительством над ними. Наличие этих качеств и, конечно, организаторские и инженерные способности позволили ему достигнуть впечатляющих результатов в деле основания и развития российской горной промышленности.

Более пятидесяти лет посвятил Геннин служению России. За это время он познакомил со своим искусством многих наших соотечественников. А уйдя из жизни, оставил после себя объемный труд, представляющий собой первое в России руководство по горному и металлургическому делу.

1. Цит. по: *Гамель И.* Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. С.66.

2. *Геннин В.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. С.65.

3. Горный журнал. 1826. Кн.1. С.125.

4. Там же. Кн.3. С.108.

5. Цит. по: *Гамель И.* Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. С.66.

6. Горный журнал. 1826. Кн.1. С.110.

7. Там же. С.120.

8. ГАСО. Ф.29. Оп.1. Д.19. Л.298.

9. См.: *Уральский рабочий.* 1990. 18 нояб.

10. Горный журнал. 1826. Кн.1. С.105.
11. Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. С.30.
12. ГАСО. Ф.29. Оп.1. Д.13. Л.568.
13. Там же. Л.143.
14. Там же. Л.552.
15. Там же. Л.621.
16. Там же. Д.32. Л.3.
17. Там же. Д.37. Л.97.
18. Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. С.144.
19. Там же. С.83.
20. Горный журнал. 1826. Кн.5. С.117.
21. Там же.
22. Мамин-Сибиряк Д.Н. Город Екатеринбург // Седой Урал. М., 1983. С.271.
23. Горный журнал. 1826. Кн.4. С.125.
24. Там же. С.127.
25. Цит. по: Злотников М.Ф. Первое описание Уральских и Сибирских заводов // Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов. М., 1937. С.39.
26. Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. С.65-66.
27. Там же. С.128.
28. ГАСО. Ф.29. Оп.1. Д.12. Л.28.
29. Горный журнал. 1826. Кн.1. С.85.
30. Цит. по: Чупин Н.К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Вып.1. С.39.
31. Горный журнал. 1826. Кн.4. С.130.
32. Цит. по: Чупин Н.К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. С.39.
33. Горный журнал. 1826. Кн.4. С.131-132.
34. Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. С.53.
35. Цит. по: Чупин Н.К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. С.29.
36. Цит. по: Пихоя Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII — XVIII вв.). Свердловск, 1987. С.69.
37. Горный журнал. 1826. Кн.1. С.87.
38. Там же. С.85.
39. Там же. С.121.
40. ГАСО. Ф.29. Оп.1. Д.12. Л.28.
41. Горный журнал. 1826. Кн.4. С.127.
42. Там же. Кн.1. С.108.
43. Там же. Кн.5. С.127.
44. Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С.309.

Титул книги В. Геннина «Описание Уральских и Сибирских заводов»